

М.Л. Алексеева

Уральский государственный педагогический университет

**Зарождение дискуссии о непереводаемости:
средневековая Европа**

Аннотация: Данная статья посвящена анализу одной из основных теоретических проблем перевода – возможности его осуществления. Рассматривается переводческая ситуация, сложившаяся в средневековой Европе, ведущие принципы перевода, понимание проблемы непереводаемости мыслителями эпохи и способы ее разрешения переводчиками-практиками.

This article is concerned with one of the key theoretical problems of translation – its feasibility. The language situation in the Medieval Europe, the guiding principles of translation, understanding of the untranslatability problem by the thinkers of the time and ways of its solution by the interpreters-practitioners are under consideration.

Ключевые слова: перевод, средневековая Европа, непереводаемость, безэквивалентные лексические единицы, приемы перевода.

Translation, Medieval Europe, untranslatability, non-equivalent lexical units, translation techniques.

УДК: 81'25.

Контактная информация: Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26. УрГПУ, кафедра немецкой филологии. Тел. (343) 2166940. E-mail: maria.alekseyeva@gmail.com.

Анализ истории переводческой мысли, представленный в данной статье, проводился на основе европейской традиции. Европейская переводческая традиция впитала опыт евроазиатского района цивилизации, объединявшего древнейшие культуры: египетскую, шумерийскую, ассиро-вавилонскую, хеттскую, иудейскую, а позже оказала влияние на Древнюю Грецию, Этрурию и Древний Рим [Копанев, Беер, 1986, с. 35]. Подвергая изучению средневековый период, мы коснемся преимущественно наследия западной Европы. Рассмотрим, какие проблемы перевода волновали умы философов, историков, писателей и поэтов, с какими трудностями сталкивались переводчики-практики этого периода.

Прежде всего, отметим некоторые особенности средневекового перевода на фоне общей картины лингвистической мысли V – XV вв. Как и в Античный период в Средние века переводческая деятельность развивалась с распространением христианства. На Востоке Европы церковь «допускала возможность богослужения на родных языках и поощряла создание своего алфавита на основе греческого и перевод церковных текстов на родной язык. На Западе проводником христианства был Рим, проповедовавший принцип “трехязычия” (освященные авторитетом Библии и христианской церкви древнееврейский, греческий и латинский языки). Здесь в религиозном обиходе в основном использовался только латинский язык ... при необходимости создавалась своя письменность, опирающаяся на постепенное, первоначально чисто стихийное приспособление латиницы к родному языку, фонологическая система которого существенно отличается от латинской» [Сузов, 2006, с. 76]. Латынь уже не была родным языком какого-либо народа, но

сохраняла свои позиции как средства международного общения: «по-латыни не только писали, но и говорили; это был разговорный язык, объединявший немногочисленных образованных людей того времени... И писались на этом языке не только трактаты и жития, а и обличительные проповеди, и содержательные исторические сочинения, и вдохновенные стихи» [Гаспаров, 1970, с. 5].

Переводом занимались в основном служители церкви. При монастырях и королевских дворах организовывались и школы переводчиков, в которых под покровительством церкви осуществлялись переводы на латинский язык важнейших научных и философских трудов греческого и арабского мира. Крупнейшими центрами перевода были Александрия (300 до н.э.), позже Багдад (9–10 вв.), Толедо (12–13 вв.), Вена (14 в.).

Постепенное утверждение христианства как основной религии во всех европейских странах вызвало необходимость перевода богослужебных книг, прежде всего, для духовенства, но также и для светских лиц из состоятельных слоев общества. Это привело к активизации переводческой деятельности и изменению ее функций и принципов. Помимо содействия осуществлению различного рода контактов, перевод в Средние века стал «катализатором информационной культуры человечества» и «мощным средством религиозной консолидации» [Алексеева, 2004, с. 71], оружием в догматических спорах и политических конфликтах [Bassnett, 2006, p. 53].

В этот период в Европе складываются различные принципы перевода (подробнее см.: [Верещагин, 1971; Матхаузерова, 1976; Thompson, 1988; Краф, 1994; Буланин, 1995; Алексеева, 2004; Fawcett, 2005; Нелюбин, Хухуни, 2006]). Ведущим являлся пословный перевод, хотя параллельно использовались адаптация, а также интерлинейный (построчный), свободная обработка (или вольный перевод), пересказ, переложение и комментирование [Краф, 1994, S. 87]. Теоретики обуславливают эту особенность средневекового перевода сохранившимися традициями античного (дохристианского) периода и устного проповедничества [Алексеева, 2004, с. 65; Fawcett, 2005, p. 108], а также типом текста: литературные произведения адаптировались, а библейские и информационно-коммуникативные тексты переводились дословно [Нелюбин, Хухуни, 2006, с. 25]. Историческая [Harth, 1958, S. 50], так же как и национальная [Алексеева, 2004, с. 65] специфика перевода в это время еще не осознавалась.

Средневековая теория перевода опирается на философские воззрения сущности слова. И в религиозных, и в научных работах этого времени прослеживается мистическое отношение к слову. Слово символизирует образ вещи. Поскольку оно способно отобразить вещь на одном языке, выбрав определенный иконический знак, то оно может это сделать, используя другой иконический знак, то есть средствами другого языка [Алексеева, 2004, с. 63]. В таком подходе, считает исследователь, заложена принципиальная возможность перевода. Сходное понимание встречается в работах других ученых: «Символ при статичном значении обладает свойством практически неограниченной свободы модификаций. В средневековых текстах искали скрытый духовный мир – внутренний мир абсолютных, непостижимых и неизмеримых идей. Считалось, что символы даже и избранным “открываются” лишь отчасти, представляя то в одной, то в другой из своих ипостасей. Поэтому и раскрытие (“познание”) символов мыслилось как беспредельное. Каждый из текстов мог получить не одно, а много, причем несходных, а иногда и противоположных толкований» [Ковтун, 2001, с. 26]. Таким образом, лингво-философская основа теории перевода Средневековья обусловила возможность трансляции на иностранный язык, множественного воспроизведения любого текста и необходимость абсолютно точной пословной передачи на другой язык.

Видимо, это обстоятельство привело ученых к выводу о том, что проблема непереводимости не осознавалась: «Если в средние века мысль ученых и переводчиков занимал вопрос о способе, каким лучше переводить, но самая возмож-

ность удовлетворительного результата их работы не вызывала сомнений, то начиная с эпохи Возрождения такие сомнения возникают» [Федоров, 1983, с. 26]. Однако анализ теоретических обобщений мыслителей, поэтов и писателей в форме примечаний, вступлений и послесловий к собственным переводам, а также трудов исследователей-медиевистов показывает, что уже в это время переводчики-практики понимали невозможность в ряде случаев трансляции на другой язык и отмечали многие объективные трудности, с которыми им приходилось сталкиваться в процессе работы.

В труде «История немецкого медицинского языка для специальных целей в Средние века» И. Рике приводит цитаты из комментариев к переводу труда по анатомии Везалия начала XVI в., переводчик которого (Бауманн) описывает некоторые сложности передачи научного текста с латинского на ранненововерхне-немецкий: «Von den Namen der Adern / so auff dem Arm / vnd oben auff der Handt befunden warden. Den Eten so zum eufferen ort der obern handt gehen / warden mancherley namen vonn v̄irn Aertzten u nd Doktoribus geben / Welche Namen / dieweyl sie sehr vntereinander vngleich sein / vnnd doch allenthalben hin vnnd wider befunden werden / acht ich für gut / etwas yetzund dauon zu melden. <...> Vber dife yetzgemelte namen / wiftu kaum andere bey jnen fin den. So du aber inn der Arabier Bücher lifeft / warden dir allenthalb hauffen begegnet / dern namen / welche differ ader etwan kaum hetten mögen zugelegt werden»¹ [цит. по: Rieke, 2004, S. 519]. Немецкий переводчик свидетельствует об объективных системноязыковых трудностях, а именно, о невозможности перевести слово из-за отсутствия соответствующей терминологии по анатомии человеческого тела.

Известны и более ранние высказывания. Так, в первой половине IX в. ирландский монах, создатель систематизированного учения о мире на основе переведенных им сочинений античных философов, Иоанн Скотт Эриугена (также Эригена) писал о невозможности во всех случаях подобрать точные соответствия. Этот вывод он сделал на материале переводов философских и богословских текстов с греческого языка на латинский. Эриугена отметил, что греческий язык обладает более точной терминологией. Оставляя большую часть греческих философских терминов непереуведенными и поясняя трудные выражения, он снискал неодобрение римской курии, за что его труды были объявлены еретическими [Нелюбин, Хухуни, 2006, с. 49].

В конце IX – начале X вв. английский монах Эльфрик, занимавшийся переводом библейских книг с латинского языка на английский и составлением первой латинской грамматики на английском языке, сделал несколько важных теоретических замечаний, касающихся передачи национальной специфики в переводе: о сохранении в переводе духа, характерного для английского языка, о наличии в каждом языке собственных междометий, незнание которых значительно осложняет перевод, о необходимости пояснения малопонятных слов и реалий [Десницкая, 1985, с. 69].

В это же время в Германии монах и педагог Ноткер Немецкий, переводивший на немецкий язык большое количество церковно-педагогической и философско-теологической литературы, снабжал ее комментариями, в которых указывал на трудности, возникающие при переводе: необходимость создания эквивалентов для слов и понятий, отсутствующих в немецком языке, используя не распростра-

¹ О названиях кровеносных сосудов верхней конечности и верхней части кисти руки.

Названия ветвей, которые идут к внешней стороне верхней части кисти руки, могут дать наши врачи и доктора. Названия эти между тем сильно между собой различаются и все же кое-где найти их можно. Считаю нужным сейчас об этом немного рассказать. <...> Но эти, только что упомянутые, названия вряд ли ты найдешь у них. Однако же (их) в арабских книгах ты читаешь, встречаются тебе повсюду кучи этих слов. Те из кровеносных сосудов, которые не имеют названий, могут быть добавлены (перевод наш – М.А.).

ненные в это время приемы транскрибирования и транслитерирования, а калькирование по словообразовательным моделям и синонимические ресурсы немецкого языка [Mettke, 1982, S. 72]. На высокую частотность использования приема транслитерирования в средневековых переводах с латинского языка на греческий указывают английские переводоведы [Hankins, 1990, p. 123].

В XIII в. английский мыслитель Роджер Бэкон констатировал возникновение в процессе перевода языковых затруднений: отсутствие научной терминологии в принимающем языке (то есть в латыни): «Следовательно, замечательная работа, созданная на одном языке, не может быть передана на другой с сохранением своего особого качества, которым она обладала в первом. Пусть тот, кто прекрасно знает какую-либо науку, как, например, логику или какой-нибудь другой предмет, постарается передать его на своем родном языке, и он увидит, что ему не хватает не только мыслей, но и слов, так что никто не сможет понять переведенную подобным образом книгу, как это подобает ее значимости» [цит. по: Нелюбин, Хухуни, 2006, с. 55]. В работе «*Opus majus*» он подчеркнул, что нельзя передать в переводе все, поскольку языки сложны и своеобразны [Алексеева, 2004, с. 72]. Невозможность перевода он связывал не только со спецификой языка, но и различиями диалектов внутри него. К заслугам философа относят также фиксацию исторической специфики перевода. Он подчеркивал различия перевода с древних языков на латинский и современных текстов на новые европейские языки. Переводоведы считают, что именно он впервые четко сформулировал проблему потерь в переводе и предложил восполнять отсутствующую в другом языке лексику путем создания новых слов и выражений, как и Гораций несколько столетий назад [Bassnett, 2006, p. 59].

Скептические суждения о возможности осуществления перевода встречаются у Данте Алигьери, но в отличие от Р. Бэкона итальянский поэт связывал непереводаемость не с понятийно-терминологическими, а с эстетическими проблемами перевода художественных текстов: «Пусть каждый знает, что ни одно произведение, связанное и подчиненное законам ритма, не может быть переложено со своего языка на другой без нарушений всей его сладости и гармонии. В этом причина, почему Гомер не переводился с греческого на латинский, подобно другим сочинениям, дошедшим до нас от греков. И такова причина, почему стихи Псалтыри лишены сладости музыки и гармонии; ибо они были переведены с еврейского на греческий, а с греческого на латинский, и уже в первом переводе вся сладость исчезла» [цит. по: Нелюбин, Хухуни, 2006, с. 71].

Рассмотрим какие способы¹ преодоления непереводаемости использовали средневековые переводчики-практики, опираясь на современную терминологию при наименовании переводческих операций.

Для средневековой переводческой мысли перевод Библии составлял центральную проблему. С. Басснет считает, что история перевода священного писания представляет историю западноевропейской культуры в миниатюре [Bassnett, 2006, p. 53]. Эти работы выполнялись с большой тщательностью переводчиками и копировались переписчиками, скованными страхом отступить от значения слов и быть осужденным за ересь. На примере одного из самых ранних памятников перевода этого периода – готской Библии (IV в.) И.С. Алексеева выделяет типичные приемы передачи слов, отсутствующих в готском языке: транскрибирование

¹ Медиевисты подчеркивают, что достаточно сложно выявить конкретные переводческие операции, поскольку «разграничения труда переводчика и обновлений переписчиков остаются по меньшей мере гипотетичными» [Тарковский, 1974, с. 243]. Кроме того, не указывался автор перевода и нередко одни и те же работы подвергались многократному (разновременному) редактированию. Видимо, эти причины обусловили проблему, отмеченную теоретиками: немногочисленность специальных исследований профессиональных приемов и техники древних переводов [Верещагин, 1971, с. 8].

и калькирование словообразовательной модели, в переводе Библии на древнесаксонский язык («Спаситель» IX в.) встречаются замены словом языка перевода: названиями местных предметов, более знакомых носителям данного языка [Алексеева, 2004, с. 64–65].

Немецкие теоретики также отмечают частое использование калькирования по словообразовательной модели латинского языка: *untarfolgên, duruh anpintan, duruhtuan* [Henkel, 1994, S. 57]. Значение таких слов оставалось непонятным для носителей языка, поэтому они не всегда входили в состав древнемецкого. Исследователи назвали эту группу лексики ‘*Wörter ohne Bedeutung*’ (слова без значения).

В научных текстах для преодоления лексической непереводимости использовались приемы образования нового слова, чаще всего сложного существительного, или описание с помощью номинативных групп с латинской и немецкой лексикой либо конструкциями по типу относительных предложений. Так, например, немецкие переводчики медицинских текстов чаще всего при отсутствии слова вводили номинативные группы, например, артикль + прилагательное + существительное: *die hote Ader* или прилагательное + существительное: *arterische Ader* или создавали новые композиты: *Katzenauge, Sonnenglanz, Hasenschlaff* [Riecke, 2004, S. 518].

Датские и норвежские теоретики указывают на активный процесс заимствования латинских слов в документах, созданных после 1200 года, то есть использование приема прямого переноса слова языка источника в язык перевода без каких-либо изменений [Pedersen, Qvale, 2006, p. 385].

Отдельно остановимся на рассмотрении такого распространенного переводческого приема этого периода как глоссирование – одного из видов переводческих пояснений¹. Его цель состоит в толковании трудных непонятных слов. В средневековой Европе глоссирование было распространено во всех переводах с латинского на родные языки [Sonderegger, 1974, S. 100]. Интересны в этом отношении *мальбергские глоссы* (*malbergischen Glossen*), представляющие собой перечень специфических народных выражений, к написанному в VI в. на латыни *Lex Salica* [Sonderegger, 1979, S. 62; Schmidt-Wiegand, 1978, S. 211; Speer, 1989, S. 111]. В средневековой Европе глоссирование было распространено во всех переводах с латинского на родные языки [Sonderegger, 1974, S. 100]. По мнению теоретиков его можно отнести к переводческим универсалиям (*ср. Н. Хенкель назвал его «*kulturtechnische Universale*» [Henkel, 1994, S. 50]).

Как показывает анализ работ западноевропейских переводчиков, техника перевода характеризуется большим разнообразием. Использовались практически все приемы, существующие для передачи слов, не имеющих соответствий в другом языке (в современном понимании «безэквивалентной лексики»).

Наряду с осознанием существования уникальных, не имеющих соответствий в другом языке слов, выражений и структур к этому периоду относятся и первые попытки выявления языковых универсалий. Начало дискуссии положено Росцелином [Нелюбин, Хухуни, 2008, с. 42]. Архиепископ Р. Килвордби, исследуя структурную организацию языка, пришел к выводу о ее сходстве с геометрией, что позволило ему предположить возможность создание общей для всех языков, «универсальной грамматики». Так, уже в XIII в. стремились разработать *grammatica universalis*, в основе которой признание всеобщими принципы построения грамматики классических языков, латинского или греческого.

¹ Глоссирование (как переводческий прием) – вид внетекстового пояснения лексических единиц: над или под соответствующим словом, между строк или на полях, позднее в отдельных изданиях – глоссариях.

Медиевисты отмечают активный процесс грамматики¹ языков в средневековой Европе, то есть унификации языков на базе единой греко-латинской модели, например, ирландского и исландского в VII–VIII вв., уэльского и провансальского в XIII в. В результате грамматики были подвержены 33 языка к концу XVI в., 86 языков к концу XVII, 158 языков к концу XVIII в. [Неретина, Огурцов, 2005, с. 228]. Идея грамматики языков, по мнению исследователей, предполагает их взаимную переводимость [Там же]. Появление в фокусе исследования новых языков, применение принципов описания языковой системы, разработанных в Античности, к описанию систем других языков подталкивало ученых к мысли о существовании глубоких различий между ними и необходимости поиска общих для всех языков единиц и структур.

Заканчивая краткое размышление по данной проблеме в рамках средневекового периода, сделаем некоторые выводы.

Итак, в средневековой Европе вследствие острой потребности в научных и философских знаниях и утверждении Христианства, происходит подъем переводческой деятельности. Переводу подвергаются различные типы текстов. Принципы их передачи различаются, но ведущим остается пословный перевод. Этот принцип не предполагает буквальное рабское копирование слова за словом, он предоставляет переводчику возможность использовать весь арсенал приемов, не выпуская ни одной единицы исходного текста и заставляя его искать и находить разнообразные переводческие решения в случае отсутствия однословного соответствия в языке перевода.

Активная переводческая деятельность приводит к зарождению переводной лексикографии. Основной формой лексикографической работы в этот период были внетекстовые переводческие пояснения – глоссы в различных формах (на полях, под или над строками) и отдельные перечни глосс к каким-либо произведениям – глоссарии.

Немногочисленные дошедшие до нас теоретические размышления мыслителей и переводчиков-практиков разного времени и разных стран свидетельствуют об осознании невозможности перевода в силу расхождения систем языков (отсутствие терминов, понятий, целого ряда обычных общеупотребительных слов, наличие специфичных для каждого языка синтаксических структур), также в силу эстетических проблем перевода художественных текстов. В отдельных теоретических обобщениях конкретных трудностей перевода намечается проблема национальной (Эльфрик) и исторической (Р. Бэкона) специфики перевода. Таким образом, можно констатировать зарождение дискуссии о непереводимости, которая в этот период носила фрагментарный характер. Переводчики-практики отмечали отсутствие в языке перевода (преимущественно в родном языке) отдельных слов и выражений и использовали достаточно широкий спектр приемов для их передачи.

В рамках данной статьи были кратко представлены особенности средневековой техники перевода слов, не имеющих однословных соответствий в языке перевода, с помощью современной типологии переводческих приемов. Следует по крупицам собирать переводческий опыт прошлых эпох, если мы хотим создать общую историю переводческой мысли и общую теорию перевода. Автор статьи отдает себе отчет в том, что предложенные выводы могут быть подвержены серьезным уточнениям и дополнениям в дальнейших исследованиях, что послужит доказательством продуктивности выбранного направления.

¹ Грамматика представляет собой процесс членения языковой цепи на основе определенных принципов: описываются части речи, орфография, морфология, синтаксис, фигуры речи, происходит инвентаризация смысловых единиц, реализуемых в словарях [Неретина, 2005, с. 229].

Литература

- Алексеева И.С. Введение в переводоведение. М., 2004.
- Буланин Д.М. История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1995.
- Верещагин Е.М. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия. М., 1971.
- Гаспаров М.Л. От редакции. Предисловие к книге // Памятники средневековой латинской литературы IV-IX веков. Под ред. М.Е. Грабарь-Пассек и М.Л. Гаспарова. М., 1970. С.5-6.
- Десницкая А.В., Кацнельсон С.Д. История лингвистических учений. Л., 1985.
- Ковтун Л.С. История русской лексикографии. СПб., 2001.
- Копанев П.И., Беер Ф. Теория и практика письменного перевода. Минск, 1986.
- Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Praha, 1976.
- Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе. М., 2006.
- Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. История науки о языке. М., 2008.
- Неретина С.С., Огурцов А.П. Теоретическая культурология. М., 2005.
- Сусов И.П. История языкознания. Тверь, 1999.
- Тарковский Р.Б. О системе пословного перевода в России XVII в. // Труды отдела древнерусской литературы. 1974. Т. 29.
- Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М., 1983.
- Bassnett S. Translation Studies. London, N.Y. 2005.
- Fawcett P. Ideology and Translation // Routledge Encyclopedia of Translation Studies. London, N.Y., 2005.
- Hankins J. Plato in the Italian Renaissance. Leiden, N.Y., 1990.
- Harth H. Leonardo Brunis Selbstverständnis als Übersetzer // Archiv für Kulturgeschichte. 1958. № 50.
- Henkel N. Übersetzung im Mittelalter: Cambridger Kolloquim. Berlin, 1994.
- Kraß A. Übersetzung im Mittelalter: Cambridger Kolloquim. Berlin, 1994.
- Mettke H. Älteste deutsche Dichtung und Prosa. Ausgewählte Texte. Literaturgeschichtliche Einleitung, althochdeutsche und altsächsische Texte, neuhochdeutsche Fassungen. Leipzig, 1982.
- Pedersen V.H., Qvale P. Danisch and Norwegian traditions // Routledge Encyclopedia of Translation Studies. London, N.Y., 2005.
- Riecke J. Die Frühgeschichte der mittelalterlichen medizinischen Fachsprache im Deutschen. Band 1: Untersuchungen. Göttingen, 2004.
- Schmidt-Wiegand R. Malbergische Glossen // Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Berlin, N. Y., 1989.
- Sonderegger S. Althochdeutsche Sprache und Literatur. Eine Einführung in das älteste Deutsch. Berlin, N.Y., 1974.
- Sonderegger S. Grundzüge deutscher Sprachgeschichte. Berlin, N.Y., 1979. Bd. 1.
- Speer H. Das Deutsche Rechtswörterbuch. Historische Lexikographie einer Fachsprache // Lexicographica. 1989. № 5.
- Steer G. Hugo Ripelin von Straßburg. Zur Rezeptions- und Wirkungsgeschichte des 'Compendium theologiae veritatis' im deutschen Spätmittelalter. Tübingen, 1981.
- Stolze R. Übersetzungstheorien. Tübingen, 1994.